

МАТЕРИАЛЫ И СООБЩЕНИЯ

КОНСТРУКЦИЯ АНЕКДОТА С ТОЧКИ ЗРЕНИЯ ГРАММАТИКИ КОНСТРУКЦИЙ*

© 2009 г. Е. В. Рахилина, В. А. Плунгян

В статье рассматривается семантическая структура русского анекдота с точки зрения современной Грамматики конструкций. Показано, что комический эффект часто бывает связан с нарушением нетривиальных правил построения русских конструкций; тем самым, изучение анекдотов проливает неожиданный свет на семантику русских конструкций, а также способствует более глубокому пониманию лингвистических аспектов языкового юмора.

The paper analyses semantic structure of Russian “anecdote” (popular joke) within the framework of Construction Grammar. It is argued that the comic effect is often due to the violation of some non-trivial constructional rules. Therefore, the study of anecdotes can shed new light on the semantics of Russian constructions and contribute to a better understanding of linguistic aspects of humour.

1. ПЕРВОЕ ВВЕДЕНИЕ: О ТЕОРИИ ГРАММАТИКИ КОНСТРУКЦИЙ

Один из основных философских принципов современной лингвистики, создающий основу для лингвистических представлений об устройстве языка, – это принцип композициональности, восходящий к Г. Фреге и Р. Монтегю (ср. также [1, 2]). В соответствии с этим принципом значение сложной языковой единицы строится из значений составляющих ее единиц и синтаксических связей между ними. В качестве метафоры для такого взгляда на язык можно было бы предложить конструктор Лего, предлагающий “складывать” предметы самой разной конфигурации, пользуясь небольшим набором типовых “деталей”. И по форме, и по содержанию идея композициональности хорошо укладывалась в теоретические рамки основных лингвистических направлений XX века – структурной лингвистики, предлагавшей исчисления языковых объектов, а также порождающей грамматики.

Однако уже в 1980-е годы идея композициональности – в ее первоначальной, достаточно жесткой формулировке – была поставлена под сомнение. Одним из теоретиков, предложивших пересмотреть саму формулировку и концепцию композициональности, был Ч. Филлмор. Он показал, что в языке есть сложные единицы, в которых составляющие элементы связаны гораздо теснее, чем только синтаксически, назвал их *конструкциями* и выдвинул новую теорию: теорию Грамматики конструкций

(Construction grammar). Подробно эта теория описана в [3, 4] и др., здесь мы можем только кратко суммировать ее главные положения.

Согласно Ч. Филлмору, содержательный акцент в понятии “конструкция”, которое в традиционном синтаксисе соотносилось с определенным рода синтаксическим фрагментом предложения (см., в частности, анализ русских конструкций в работах Н.Ю. Шведовой, Г.А. Золотовой, В.А. Белошапковой и др.), делается на семантику. Постулируется, что все конструкции имеют собственное значение, не выводимое непосредственно из значений их частей. Это значение, конечно, не произвольно и связано с составляющими конструкцию компонентами, но имеет свою семантическую “добавку”, которая и определяет свойства составляющих – морфологию, синтаксис, семантику, прагматику и под. Значение конструкции возникает как результат сложного взаимодействия ее компонентов на всех уровнях. Недавние психолингвистические исследования доказывают релевантность конструкций при использовании языка взрослыми и овладении им детьми: носители языка помнят шаблоны-конструкции целиком, а дети осваивают конструкции, а не просто отдельные слова (ср. [5,6]).

Для семантики, и прежде всего лексической семантики, теория Грамматики конструкций очень привлекательна как точка зрения на язык, потому что она заставляет обнаруживать семантическое взаимодействие, взаимную обусловленность и семантическую мотивированность входящих в конструкцию языковых единиц. Таким образом, описание нацелено не только на то, чтобы ответить на вопрос, *как* устроена конструкция, т.е. какие элементы конструкции возможны в каких позици-

* Работа выполнена в рамках программы РАН “Текст во взаимодействии с социокультурной средой”.

ях, но и на вопрос, *почему* ограничения устроены так, а не иначе.

Для дискурсивного анализа Грамматика конструкций тоже дает полезный объяснительный аппарат: если признать, что дискурс строится не из слов, а из конструкций, можно наблюдать и описывать, как в реальном тексте конструкции вкладываются одна в другую, контаминируются одна с другой и сложным образом взаимодействуют. Поведение и изменение конструкций (а не только слов) в тексте становится в этом случае специальным предметом лингвистического исследования. Особенно показательным примером взаимодействия конструкций являются *каламбурные* тексты; их ярким и культурно значимым для русского языка подклассом являются анекдоты, которые и будут материалом настоящих заметок.

2. ВТОРОЕ ВВЕДЕНИЕ: О ЛИНГВИСТИЧЕСКОЙ ПРИРОДЕ КАЛАМБУРНЫХ АНЕКДОТОВ

По определению В.З. Санникова [7, с. 490], “каламбур – это шутка, основанная на смысловом объединении в одном контексте либо разных значений одного слова, либо разных слов (словосочетаний), тождественных или сходных по звучанию. Это забавная ненормальность, вроде двухголового теленка в кунсткамере”. В американской традиции в сходных случаях используется термин *blending*, который Ж. Фоконье в своей теории “ментальных пространств” [8] употребляет при моделировании сдвигов значения. На русский язык термин *blending* перевести очень трудно (подробнее об этой проблеме и о теории Фоконье см. обзор [9]). Ближе всего ему соответствует понятие *совмещения* значений – так, именно оно используется в работах [10, 11, с. 27–30 и др.] при описании семантических сдвигов, в том числе и в контексте каламбура.

Хорошо известно, что совмещение-*blending* используется не только при “естественном” сдвиге значения (прежде всего, метафорическом) но и как своего рода художественный прием: в рекламе, в шутках, в анекдотах и т.п. Рекламный материал труднодоступен, для изучения его особенностей нужен специальный корпус, поэтому пока мы оставим его в стороне и обратимся к анекдотам. Действительно, русским анекдотам посвящена большая литература, они собирались и классифицировались – см. прежде всего книгу А.Д. Шмелева и Е.Я. Шмелевой “Русский анекдот” [12] (на собранный там корпус мы во многом опираемся) и цитируемую там литературу, но в целом, как кажется, пока они описаны с несколько иной точки зрения. Наиболее близкий нам подход представлен в диссертационном исследовании А.С. Архиповой

[13], специально посвященном исследованию анекдотов про Штирлица – но, как показано в этой же работе, каламбурные анекдоты про Штирлица – это особый тип текстов, и для них многие интересующие нас лингвистические аспекты исследования просто нерелевантны (см. подробнее ниже).

Итак, что такое каламбурный анекдот? Это такой анекдот, который строится на совмещении внешних сторон языковых единиц, ср. пример из [12]:

(1) – У вас есть дикая утка?

– Нет, но можем разлить домашнюю.

В этом тексте говорящий имеет в виду *дикий* в прямом значении (оно реализуется, например, в сочетании *дикое животное*), а слушающий использует то же прилагательное в переносном значении, ср. *дикий крик* или *дикий поступок*. Сокращенно это можно записать так:

Совмещение: *дикое* <животное> & *дикий* <крик>.

А вот пример некаламбурного (хотя и в определенном смысле лингвистического) анекдота (там же):

(2) Приехал чукча в Москву, поехал на такси. Вдруг дорогу перебегает старушка. Таксист хочет ее объехать, а старушка заметалась: таксист налево – и старушка туда же, таксист направо – и старушка тоже. И, как ни старался таксист, все же задел ее. Расстроился, а чукча и говорит ему: “Твоя плохой охотник, если бы я дверцу не открыл, ушла бы”.

Обратим внимание, что этот анекдот тоже строится на совмещении – но не языковых единиц, а ситуаций: таксист имеет в виду избежать аварии, а чукча считает, что он охотится на старушку:

Совмещение ситуаций: ‘избежать аварии’ & ‘охота на старушку’.

Нас в качестве исследовательского материала будут интересовать только те тексты, в которых совмещаются языковые единицы, а не ситуации в целом – именно их мы будем, как это и принято, считать каламбурными.

3. КАЛАМБУР КАК ИГРА КОНСТРУКЦИЙ

Обычно, обсуждая каламбурные эффекты, в том числе и в анекдотах, исследователи говорят о взаимодействии значений *слов*. В частности, в энциклопедической статье “Анекдот” в книге [14] сказано (со ссылкой на семиотическую работу [15]): “У слова много значений, одни из них прямые, другие – переносные, косвенные. Чем более значение удаляется от прямого, тем менее оно вероятно, неожиданно. <...> Как в любом сюжете, в анекдоте используется то, что одно значение слова можно принять за другое”. Эту идею разъясняет В.З. Санников [7, с. 491] на примере диалога из пьесы И. Бабеля “Закат”:

(3) <Разговор жениха и невесты>:

Двойра. *И потом я хочу, чтобы вы меня немножко любили, Боярский.*

Боярский. *А что с вами делать, если не любить вас? На котлеты вас рубить? Смешно, ей-богу!*

В.З. Санников считает, что “обыгрываются два разных значения глагола *любить*, соответствующие двум сторонам любви – духовной и физической”, которые теоретически оба возможны в данном прагматическом контексте.

Более того, например, Анна А. Зализняк [11, с. 26] отмечает, со ссылкой на Ю.Д. Апресяна [16, с. 180–187], что сама “возможность возникновения *неоднозначности* (прежде всего, каламбура) является наиболее очевидным свидетельством *многозначности* данной языковой единицы. Другими словами, если употребление некоторого слова в некотором контексте создает эффект каламбура, сталкивающий два различных понимания, это означает, что эти два понимания соответствуют двум разным значениям этого слова. Возможность столкновения, противопоставления некоторых двух значений в некотором контексте не означает, однако, невозможности нейтрализации этого противопоставления в другом контексте”.

Между тем, по нашим наблюдениям, в подавляющем большинстве случаев при каламбурном совмещении речь должна идти не о словах, а о конструкциях – в смысле Ч. Филлмора. В частности, в примере из Бабеля в языковой игре участвует конструкция *немножко любить*, которая возможна только в применении к духовной, но не физической любви. Рассмотрим следующий пример из [12]:

(4) (Персонажи детской передачи “Спокойной ночи, малыши”)

– *Степашка, где же Хрюша?*

– *Хрюша не придет, у него свинка.*

На первый взгляд, здесь происходит совмещение двух значений слова *свинка*: ‘домашнее животное женского пола’ и ‘детская болезнь’. В действительности же совмещаются две близкие, но не тождественные разновидности посессивной конструкции с предлогом *у*: конструкция “болезни” (*у X-а тиф, корь, грипп...*) и конструкция “актуальной занятости” вида *у меня гости* (ср. *Не беспокойте Ивана Ивановича – у него посетитель*). О том, что семантика их различается, свидетельствует, в частности, разная “реакция” этих конструкций на возможность лексического выражения актуального момента времени – так, возможно: *у меня сейчас посетитель/гости* и неестественно: *у меня сейчас тиф/грипп*.

Семантическое противопоставление близких конструкций, игра на нем, конечно, не исключает того, что одновременно значения “ключевого” слова

могут тоже противопоставляться и совмещаться – ясно, что в примере (4) происходит и то, и другое, и это самая распространенная для каламбурного анекдота ситуация. Но – не обязательная. Так, в примере (5) из [12] значение ключевого слова *вода* не меняется вовсе – вся игра строится на значениях близких конструкций:

(5) *Обморок хозяина. Кричат: “Воды! Воды!”. Хозяин открывает глаза и говорит: “Кому воды, а мне водки”.*

В этом анекдоте используется партитивная конструкция, и создается иллюзия совмещения двух ситуаций: обморока и выбора напитков¹ (обратим, однако, внимание, что языковая конструкция типа “Воды! Воды!” естественна только в ситуации адресной помощи лицу (ср. также: *Сердечных капель!* и др.) – в ситуации выбора напитков она выглядит более странно: *“Официант, воды!”* – вместо: *Официант, две бутылки/стакан воды*). Так или иначе, значение “ключевого слова” в обеих интерпретациях остается неизменным – значит, дело, действительно, в конструкциях, а не в словах.

4. КАК СОВМЕЩАЮТСЯ КОНСТРУКЦИИ?

Когда говорят о совмещении значений одного слова, механизм такого совмещения понятен, он основан на том, что внешняя форма у этого многозначного слова одна. С конструкциями сложнее: поскольку конструкция обычно состоит из нескольких компонентов и, как правило, из нескольких слов, добиться полного поверхностного совпадения двух конструкций практически невозможно. Поэтому так часто каламбурный анекдот строится на редуцированных конструкциях, ср. (6) из [12]:

(6) – *Василий Иванович, белые в лесу!*

– *Не до грибов, Петька, не до грибов.*

Внешне здесь как будто бы достигнуто полное совмещение – за счет того, что не выражен предикат, опущено имя и субстантивировано прилагательное, а в полном виде схема совмещения выглядела бы так:

Совмещено: белые [войска] (<расположились>) & белые [грибы] (<обнаружились> в лесу).

Рассмотрим, однако, данную конструкцию подробнее. Для ее понимания крайне существенно, что фразовое ударение находится на ее первом элементе, т.е. на слове *белые*². При такой просодической структуре (6) может пониматься только как комплексная рема, т.е. как сообщение о том, “что случилось”: произошло (неожиданное) появление

¹ Подробнее см. [12; 13].

² Иная просодическая структура соответствовала бы пониманию ‘белые войска, за передвижениями которых мы долго следили, теперь расположились в лесу’, что в (6), конечно, не может иметься в виду даже для войск, а уж тем более для грибов.

субъекта X в месте Y. Но это гораздо лучше согласуется с первой интерпретацией (*белые* как войска): войскам свойственна агентивность, и именно их появление может быть внезапным; грибы же, в отличие от войск, не склонны к стремительным передвижениям. Если говорящий хочет сообщить нечто, напоминающее по смыслу (6), о грибах, то он сделает коммуникативный акцент на их наличии в месте X (например, по сравнению с другими местами или другими моментами времени); а такой смысл требует совсем другой конструкции: с обязательной тематизацией локативной группы и ее выносом в начало и с употреблением ненулевого локативного предиката: *в лесу <сейчас> есть белые*. Проблема противопоставления конструкций с нулевой и ненулевой связкой достаточно много изучалась в русистике: подробнее о порядке слов в локативных конструкциях и о правилах выбора локативного предиката см., например, [17], а также [18] и цитируемую там литературу.

Как видим, полное совмещение на самом деле не достигнуто даже и в случае с редукцией: одна конструкция (с комплексной ремой) оказывается правильной, а вторая (с локативной темой) – все-таки нет.

То же верно и для примера (5), разобранного выше: мы уже говорили о том, что представленная в тексте партитивная восклицательная конструкция (с опущенным предикатом) является “правильной” только в ситуации адресной помощи, но не, например, выбора напитков. Среди прочего, такая однозначность обеспечивается особой интонацией, которая такой конструкции свойственна.

С другой стороны, фонетика в каламбуре может использоваться и для сближения конструкций, ср. (7) из [12]:

(7) – *Это правда, что пианистом нужно родиться?*

– *Правда. Не родившись, невозможно играть на рояле.*

Действительно, в этом анекдоте сделана попытка совместить две морфологически, синтаксически и семантически разные конструкции: *X-ом нужно родиться* – *X-у нужно родиться*, которые, однако, фонетически достаточно близки за счет редукции именного окончания: *-ом* или *-у*. Фонетическая редукция делает эти конструкции на слух почти тождественными – так что можно было бы считать, что слушающий ошибся просто потому, что не разобрал окончание и считал, что ему задали глупый вопрос, на который есть само собой разумеющийся ответ. Но дело обстоит сложнее: при более внимательном анализе оказывается, что этот “глупый” вопрос все-таки должен был бы быть задан иначе, в частности, в контексте одушевленного субъекта в дательном

падеже предикат *нужно* понимается как выражающий намерение (ср. более уместное в таком случае *пианисту нужно было бы сначала родиться*).

Таким образом, при совмещении конструкций для достижения каламбурного эффекта полного совмещения почти никогда не достигается: обычно с языковой точки зрения безупречной является только одна конструкция, а другая должна так или иначе “подстроиться” под нее – при этом, как правило, нарушаются условия ее построения. С точки зрения теоретической такой эффект вполне объясним: полисемия – это словарное свойство слова, она возможна только вне контекста; в дискурсе же полисемия легко разрешается (вспомним знаменитые примеры типа *кондитер жарит хворост на газовой плите*). Конструкции и есть часть дискурса, они сами вводят контекст – значит, в подавляющем большинстве случаев они однозначны.

Особый случай представляет собой цикл анекдотов про Штирлица, упоминавшийся выше: как правило, в них имитируется совершенно определенный, нестандартный вид дискурса. Он не содержит свойственный обычному анекдоту естественный диалог, в котором говорящий и слушающий плохо понимают друг друга, а представляет собой монолог “за кадром” (по образцу комментариев Копеляна к происходящему в фильме), автор которого говорит на другом, чем обычно, несколько искусственном русском языке – короткими простыми предложениями, эксплуатируя почти фиксированный порядок слов, практически не встречающийся в разговорной речи, и т.п. Именно на пародировании свойств этого особого дискурса, как хорошо показано в [13], и строится их комический эффект – тоже несколько другой, чем в обычном анекдоте. В частности, ввиду того, что анекдоты про Штирлица ориентированы на искусственный текст, они широко эксплуатируют “искусственные” каламбуры, в которых вторая конструкция опирается на несуществующие слова (скажем, такое имя лица, как румынский разведчик *Позаранку* или агент неизвестной национальности *Ногу За Ногу*) или на часть устойчивого неразложимого оборота (ср. *кислая мина*). За счет небольшого набора подобных приемов – намеренно тривиальных и поэтому далеко не всегда смешных – во многих случаях достигается абсолютная точность каламбура, практически невозможная в обычном языке, ср.:

(8) *Штирлиц заложил ногу за ногу. На следующее утро Ногу За Ногу взяли.*

(9) *Штирлиц сидел с кислой миной. Мина взорвалась.*

Поскольку наш анализ каламбуров ориентирован на выявление свойств реальных, а не искус-

ственных конструкций, большая часть анекдотов о Штирлице для нас не представляет интереса.

Показательно, что к лингвистически “неинтересным” с точки зрения нашей задачи в первую очередь относятся как раз те, где совмещение конструкций точно – это верно для всех каламбуров, но за пределами серии анекдотов про Штирлица – таких, как мы говорили, значительно меньше. Само по себе данное обстоятельство заслуживает внимания: ведь в каких-то случаях можно специально “исправлять” каламбур и добиваться “оптимизации” условий употребления второй конструкции – но сам жанр каламбура к такому формальному совершенству, как ни странно, не стремится. Дело в том, что с точки зрения правил языковой игры, несовершенство каламбура – т.е. не полное совпадение реально встречающихся в языке форм – не только допускается, но и, так сказать, “включено” в эти правила. Недаром буквально все исследователи этой проблемы (включая и В.З. Санникова, и Е.Я. и А.Д. Шмелевых, и других) отмечают, что естественным атрибутом каламбурной ситуации являются “не вполне обычные говорящие – иностранцы, дети, русские, плохо владеющие литературным языком”, такие как Василий Иванович с Петькой, или новые русские и т.п. Именно плохое владение языком, которое приводит к взаимному непониманию участников диалога, т.е. к нарушению условий коммуникативного акта, вызывает комический эффект.

Следовательно, обычное представление о том, что “каламбур – это прием, в котором говорящий <...> намеренно порождает неоднозначное высказывание” [19, с. 85], вообще говоря, не вполне верно, хотя верно другое (тоже общепринятое): “назначение такого высказывания <...> в том, чтобы обратить внимание слушающего на игру смыслов друг с другом” [19, с. 85]. С этой точки зрения “исправлять” неточный каламбур нет никакого смысла: наоборот, будет не смешно.

В подтверждение сказанного приведем яркий пример каламбура из [12], в котором обе совмещаемые конструкции неправильно построены.

(10) *Штирлиц склонился над картой. Его не удержи́мо рвало на Родину.*

*Совмещается: *его не удержи́мо рвало [на Родину] & *его рвало на карту.*

Для первого сочетания правильным было бы *не удержи́мо тянуло*. В принципе, *тянуло* содержит корень, который выступает как квазисиноним к *рвать*, но только в форме возвратного глагола, ср. близкое по смыслу *он рвался к знаниям – он тяну́лся к знаниям* (в то же время: *он рвался / ?тяну́лся в бой*). Между тем если конструкция с возвратным *тяну́ться* (*он тяну́лся*) семантически близка к безличной (*его тянуло*), то для *рвать* соответствующи-

щие конструкции строго разведены. Таким образом, глагол *рвать* мог бы сочетаться с наречием *не удержи́мо* только в форме *рваться*: *он не удержи́мо рвался на родину*.

Вторая конструкция имеет в виду физиологический глагол *рвать*, который, вообще говоря, предпочитает локативное обстоятельство в форме совершенного вида (*вырвало на что-л.*), причем сочетание с наречием *не удержи́мо* для этого глагола тоже неприемлемо. Нормально лишь: *не удержи́лся, и его вырвало*.

Этот анекдот взят из серии про Штирлица, где, как мы уже говорили, искусственно порождается и эксплуатируется языковая неправильность. Но каламбуров, в которых смещено употребление обеих конструкций, не так уж мало – другое дело, что неправильность может быть в них не так заметна, ср. (11) из [12]:

(11) – 01? *Приезжайте скорее, у меня пожар.*

– *А как до вас доехать?*

– *Конечно, на большой красной машине.*

В данном случае совмещены вопрос о маршруте (ср. в качестве возможного ответа: *По Минскому шоссе до поворота на Рузу*) и о транспортном средстве (ср.: *Как до вас лучше/быстрее доехать? – Лучше на метро*), но транспорт здесь имеется в виду только общественный; с другой стороны, и как вопрос об адресе в данном контексте эта конструкция тоже мало уместна: в такой форме вопрос обычно задает человек, который, скорее всего, не очень торопится.

5. КАЛАМБУРНЫЕ АНЕКДОТЫ КАК ЛИНГВИСТИЧЕСКИЕ ЗАДАЧИ

И все-таки более “классическим” является каламбурный анекдот, содержащий одну совершенно правильную конструкцию и совмещаемую с ней неправильно построенную, порожденную “неправильным” говорящим, по каким-то причинам плохо знающим русский язык. В таком случае анекдот можно рассматривать как своего рода лингвистическую задачу: в тексте анекдота скрыта языковая ошибка, ее требуется обнаружить, т.е. выяснить, что с чем говорящий перепутал, или, другими словами, какая близкая по форме конструкция была бы в данном случае уместна. Кроме того, нужно объяснить, какие правила русского языка нарушает “неграмотная” конструкция. При этом правила могут нарушаться как самые простые, хорошо известные – и тогда текст анекдота становится прекрасной иллюстрацией для грамматики, своеобразным наглядным учебным пособием, но могут быть и совершенно нетривиальными – значит, анализ анекдота выявляет новые языковые факты и ставит задачу их интерпретации. И в том, и в другом

случае лингвистическая ценность такого материала бесспорна.

В этом разделе мы рассмотрим несколько задач подобного рода.

Задача № 1

– *Знаете, что вас ожидает за дачу ложных показаний?*

– *Да. Мне обещали “Жигули”.*

Правильная конструкция – конструкция “возмездия”: за *X* тебя ожидает *Y*, где *X* – проступок, а *Y* – вид наказания. Ср. похожие ограничения на *Y* в: за это тебе грозит *Y*, но здесь в самом *грозит* выражена отрицательная оценка, и такое ограничение для него, в отличие от нейтрального *ожидать*, предсказуемо. Нарушение правильности в том, что слушающий расширяет употребление данной конструкции и на случай вознаграждения, но такое расширение неоправданно, ср.: *“за победу на Олимпиаде спортсменов ожидает премия* (правильно было бы: *спортсменам положена/обещана премия* – кстати, обратим внимание, что специализированного глагола “ожидания награды” в русском языке, кажется, нет). В принципе, такого ограничения на *Y* могло бы и не быть – ср. близкую по смыслу и по форме конструкцию, безразличную к способу заполнения *Y*: за это тебе будет выволочка/поощрение.

Дополнительным “стимулом” для ошибки является не только обещанная машина, но и то, что в русском есть стандартный оборот *вас ожидает машина* (хотя и с другим значением).

Задача № 2

В тюремной камере:

– *Ты из-за чего сюда попал?*

– *Из-за насморка.*

– *Как это?*

– *Очень просто. Я чихнул, а сторож проснулся.*

Совмещены две конструкции, обе причинные. Первый говорящий хочет спросить о причине наказания (в виде тюремного заключения) – и мы ожидаем услышать ответ именно такого рода, несмотря на то что он сделал ошибку: в русском языке вопрос о причине наказания задается не с помощью обычного *почему* или *из-за чего*, а с помощью специальной предложной конструкции *за что*³. Слушающий же отвечает буквально на вопрос о причине возникшей ситуации.

Задача № 3

– *Мужики, вы откуда будете?*

– *Мы-то? Да мы хоть из горла будем!*

³Обратим внимание на лексическую выделенность наказания за проступок: она явно перекликается с лексическим ограничением, которое мы обсуждали в связи с предыдущей задачей – очень интересно, насколько такое противопоставление распространено и релевантно типологически.

Здесь перепутаны два типа вопросов об исходной точке: со специальным вопросительным словом *откуда* и с предложным сочетанием *из чего*. При обычных глаголах движения используется вопрос с *откуда*: *откуда пришел/прыгнул/вылез* и под. Это верно и для “простых” каузативов от них, когда каузатор перемещается вместе с объектом, ср.: *откуда везешь/несешь*. В тот же класс попадают и вопросы “о происхождении”: *откуда взялся, откуда родом* – ср. правильное *откуда дровишки?* Заданный вопрос должен интерпретироваться по этому правилу – с учетом редукции: *откуда будете? = откуда будете родом!*

В то же время при тех каузативных глаголах движения, где перемещается только объект движения, а каузатор остается неподвижен, возникают две исходные точки: место нахождения каузатора в момент начала движения объекта и место исходного нахождения движущегося объекта, ср. *ловить рыбу с берега/из пруда; доставать чемодан с табуретки* (= ‘находясь на табуретке’)/с *антресолей* и под. Выбор вопросительной конструкции не так уж тривиален, ср.: *Откуда будешь ловить рыбу? – с берега! *из пруда VS. Откуда будешь доставать чемодан? – *с табуретки/с антресолей*, и эта проблема пока не имеет четкого решения в русистике (отдельные замечания по этому поводу содержатся в нашей работе [20]).

Впрочем, достаточно часто местоположение каузатора оказывается не важно для ситуации в целом – это верно и для глагола *пить*, который слушающий по ошибке восстанавливает вместо опущенного наречия *родом*. В таких случаях в принципе должна выбираться предложная конструкция, ср. *из чего пил* или *ел*, но точный список таких предикатов пока неизвестен. Обратим внимание и на то, что проблема выбора между предложной и специальной вопросительными конструкциями касается и других вопросительных слов, ср. *где VS. под чем/на чем/в чем; куда VS. на что/во что* и под.

Задача № 4

Таможенник поднимается на корабль для досмотра.

– *Наркотики есть?*

Хозяин корабля отвечает:

– *Есть. Вот, пожалуйста (достает чемодан). Вот героин, вот кокаин. Все аккуратно упаковано, вот шприц готовый.*

Таможенник, вытаращив глаза:

– *А может, и оружие есть?*

Хозяин (достает другой чемодан):

– *Вот макаров, вот калашник, вот патроны к ним. Все как надо.*

Таможенник с усмешкой:

– *Наверное, и валюта есть?*
 Хозяин достает третий чемодан:
 – *Вот миллион долларов, пожалуйста.*
 Таможенник, ничего не понимая:
 – *И это все ваше?*
 Хозяин:
 – *Нет, это ваше. Мое в трюме.*

В этом анекдоте происходит игра на актуальной и потенциальной посессивности: правильным ответом капитана таможеннику была бы конструкция с дательным падежом, выражающая в русском языке потенциальную посессивность (*это вам*), а не конструкция с посессивным местоимением *ваше* – просто капитан хотел, чтобы к моменту произнесения его фразы сделка уже состоялась и посессивное отношение превратилось из потенциального в актуальное⁴.

Задача № 5

Партийный дирижер, назначенный для укрепления оркестра:
 – *А вы, товарищ барабанщик, плохо работаете. Стукнули два раза – и все: стучать надо чаще!*

В предложении *Стучать надо чаще* глагол *стучать* выступает как в известном переносном значении ‘доносить’, так и в значении ‘бить в барабан’. Правильным употреблением глагола является, однако, только первое: по-русски говорят не **стучать в барабан*, а *бить*, и грамматически правильной интерпретацией конструкции – только та, согласно которой дирижер советует чаще доносить.

Действительный лингвистический интерес, между тем, здесь представляет другой запрет, не содержащийся в материале задачи в явном виде – а именно, запрет на совмещение *стучать* ‘доносить’ и обычного (уже немзыкального) значения *стучать* – как в случае *стучать в дверь*, который неожиданно проявляется в контексте наречия *чаще*. Казалось бы, мультипликативный глагол *стучать* ‘ударять’ должен легко сочетаться с таким наречием, по крайней мере, его поведение не должно отличаться от *стучать* в значении ‘доносить’. Тем не менее, *стучать надо чаще* выглядит нелепо не только по отношению к барабанщику, но и по отношению к гостю, который не может дозваться хозяев – но не по отношению к доносчику.

Оказывается, что в адвербиальной конструкции *часто* по крайней мере для некоторых мультипликативных предикатов измеряется встречаемость не единичных актов в единицу времени, а серии событий в целом, ср. *часто прыгает, часто жует, часто чихает* и др. – в эту группу глаголов попадает и *стучать*. При этом частотность серий выглядит

для этого глагола естественной только в значении ‘доносить’ (в этом случае серия как раз образует единое событие), но не для стука в дверь.

Существенно, что так себя ведут не все мультипликативы, ср. *часто моргает, перебирает ногами, сопит, всхлипывает* и др., для которых *часто* пересчитывает единичные акты: ни один из этих глаголов не мог бы стать основой для подобного анекдота. Вопрос о классификации мультипликативов, учитывающей данное свойство, по-видимому, открыт.

Задача № 6

Новый русский покупает замок. Продавец говорит:
 – *Это очень старинный замок, первая половина 16 века.*
 – *Слушай, мужик, – говорит новый русский, – а где же вторая половина?*

Совмещено: *половина века и половина замка.*

Атрибутивная конструкция с числительным *первая* при *половина* возможна только для периодов времени: *первая половина года/дня/часа...*, потому что время с точки зрения языковой картины мира движется, и его периоды как бы следуют друг за другом (ср. здесь: *первый вагон, второй вагон – о поезде*).

Что касается статичных артефактов (как *замок*), их половины противопоставляются иначе – говорят: *одна и другая*. Интересно, что вместо *другая* возможно и *вторая* (ср.: *одна половина стола заставлена, вторая – пустая*), но вместо *одна* никогда не скажут: *первая*.

Задача № 7

Грузин пишет письмо домой:
 – *Папа, учись в институте. Все ездят на занятия на автобусе, а я в такси.*
 Отец пишет ответ сыну:
 – *Сынок, зачем выделяться. Купи автобус и езди, как все.*

Совмещено: ‘*на общественном транспорте*’ (имеется в виду говорящим) и ‘*на индивидуальном транспорте*’ (так понял слушающий).

Между тем в распределительном контексте (с множественным субъектом) эти значения выражаются в русском языке по-разному: в случае индивидуального транспорта для транспортного средства обязательно множественное число, ср.: *на велосипедах, в каретах, на лодках* – каждый на своей; ср. также *поехали кататься на лошадей/* на лошади*.

Если транспорт общественный, число должно быть единственным: *на автобусе, на трамвае, на электричке, на поезде* – как для родового значения ‘вид транспорта’, так и для референтного значения ‘все на одном автобусе’. Ср. также кон-

⁴Подробнее о случаях противопоставления актуальной и потенциальной посессивности в русском языке см. [21].

текст *мы добираемся до дачи на трех автобусах*, где нельзя опустить числительное: странно звучит *??мы добираемся до дачи на автобусах* (такая фраза приемлема только в ситуации, когда народу так много, что нужно несколько машин).

Задача № 8

Встречаются два одноклассника: новый русский и инженер, расспрашивают друг у друга о жизни. Новый русский рассказывает про дачу на Канарах, дом в Париже...

А инженер говорит:

– Я уже полгода зарплату не получаю. Вот уже три дня ничего не ел.

– Ну, нельзя так, – сочувствует новый русский. Надо себя заставлять.

Совмещено: констатация совершившегося факта, над которым у говорящего нет контроля (*не ел*) – этот смысл обычно выражается в русском языке прошедшим временем несовершенного вида – и продолжающееся в момент речи подконтрольное говорящему состояние (*не курю; пью горькую вторую неделю; худею, ничего не ем* и проч.) – этот смысл обычно выражается настоящим временем.

Понятно, что говорящий-инженер имел в виду первую интерпретацию – поэтому он и употребил прошедшее время. Однако его двоичник-одноклассник, превратившийся в нового русского, “перепутал” соответствующую конструкцию с другой, а значит, приписал ей другую семантику.

Обратим внимание, что в данном примере речь вообще не идет ни о каких лексемах – а только о видо-временных формах, на смешении которых и строится весь каламбурный эффект. В то же время, если бы мы захотели для этого случая сформулировать сколько-нибудь точно лингвистическое правило, понадобилось бы учесть класс глагола, а может быть и уточнить роль семантики частиц *вот уже, ср.*, например, невозможность в данном случае **Вот уже три дня не надеюсь/*не надеялся*.

6. ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Все сказанное свидетельствует о том, что перенос конструкции в смысле Ч. Филлмора, т.е. цельные языковые блоки, в которых лексическое наполнение, семантика, морфология, синтаксис отдельных составляющих, и даже в некоторых случаях, как мы видели на примерах в начале статьи, и фонетика, “спаяны”, будучи жестко мотивированы общим значением целого. “Вклад” каждой из них лингвистически значим, он может быть оценен и, как мы видели, превращен в лингвистическое правило. Поэтому изменения в таком цельном блоке не могут касаться его конституирующих частей (ср. в последнем примере – времени глагола): как только

это происходит, общее значение конструкции тут же меняется. И наоборот, для того, чтобы получить другую интерпретацию для той или иной конструкции, например, с целью достичь каламбурного эффекта, практически всегда нужно изменить в ней хотя бы одну составляющую. По нашему мнению, все разобранные в статье каламбурные примеры об этом свидетельствуют как нельзя лучше, подтверждая, тем самым, главную идею теории Грамматик конструкций.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Partee B.H. Lexical semantics and compositionality // L. Gleitman, M. Liberman (eds.), Invitation to cognitive science, part I: Language. Cambridge (MA): MIT, 1995.
2. Богуславский И.М. Сфера действия лексических единиц. М.: ЯРК, 1996.
3. Fillmore Ch.J., Kay P. Construction grammar course book. Berkeley: U. of California, 1992.
4. Goldberg A. A Construction Grammar approach to argument structure. Chicago: U. of Chicago, 1995.
5. Tomasello M. Constructing a language: A usage-based theory of language acquisition. Harvard: Harvard U., 2003.
6. Goldberg A. Constructions at Work: The nature of generalization in language. Oxford: Oxford U., 2006.
7. Санников В.З. Русский язык в зеркале языковой игры. М.: ЯРК, 1999 (изд. 2: М.: ЯСК, 2002).
8. Fauconnier G. Mappings in thought and language. Cambridge: Cambridge U., 1997.
9. Рахилина Е.В. Когнитивная семантика: история, персоналии, идеи, результаты // Семиотика и информатика. 1998. Вып. 36.
10. Перцов Н.В. Формализация толкования слова. М.: МГУ, 1988.
11. Зализняк Анна А. Многозначность в языке и способы ее представления. М.: ЯСК, 2006.
12. Шмелева Е.Я., Шмелев А.Д. Русский анекдот. М.: ЯСК, 2002.
13. Архипова А.С. Анекдот и его прототип: генезис текста и формирование жанра. Дис. ... канд. филол. наук. М., 2003.
14. Руднев В.П. Словарь культуры XX века. М.: Аграф, 1997.
15. Налимов В.В. Вероятностная модель языка: О соотношении естественных и искусственных языков. М.: МГУ, 1979.
16. Апресян Ю.Д. Лексическая семантика: синонимические средства языка. М.: Наука, 1974.
17. Арутюнова Н.Д., Ширяев Е.Н. Русское предложение. Бытийный тип. М.: Наука, 1983.
18. Янко Т.Е. Коммуникативные стратегии русской речи. М.: ЯСК, 2001.
19. Падучева Е.В. Тема языковой коммуникации в сказках Льюиса Кэрролла // Семиотика и информатика. 1982. Вып. 18.
20. Рахилина Е.В. Семантика или синтаксис? (К анализу частных вопросов в русском языке). München: Sagner, 1990.
21. Рахилина Е.В. Показатели посессивности и их функции в русском языке // Исследования по языкознанию. СПб.: СПбГУ, 2001.